

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ
ТЯЖБА

Николай Гоголь

Тяжба

«Public Domain»

1842

Гоголь Н. В.

Тяжба / Н. В. Гоголь — «Public Domain», 1842

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	10

Николай Васильевич Гоголь

Тяжба

I

Кабинет. **Пролетов**, сенатский обер-секретарь, один сидит в креслах и поминутно икает.

Что это у меня? точно отрыжка! вчерашний обед засел в горле; эти грибки да ботвиньи!.. Ешь, ешь, просто черт знает чего не ешь! (*Икает.*) Вот оно! (*Икает.*) Еще! (*Икает.*) Еще раз! (*Икает.*) Ну, теперь в четвертый! (*Икает.*) Туды к черту, и в четвертый! Прочитать еще «Северную пчелу», что там такое? Надоела мне эта «Северная пчела»: точь-в-точь баба, засидевшаяся в девках. (*Читает и вскрикивает.*) Крахманову награда! а? Петрушке Крахманову! Вот каким был мальчишкой (*показывает рукой*), я поместил сам его кадетом в корпус, а? (*Продолжает читать и вскрикивает, вытаращив глаза.*) Что это? что это? Неужели Бурдюков? Да, он, Павел Петрович Бурдюков, произведен! а? каково? Взяточник, два раза был под судом, отец – вор, обокрал казну, гнуснейший человек, какого только можно представить себе, – каково? И ведь весь свет почитает его за прямодушного человека! Подлец! Говорит: «Дело Бухтелева решено не так, сенат не вникнул», – а? Просто, подлец, узнал, что на мою долю пришлось двадцать тысяч, – так вот зачем не ему! Как собака на сене: ни себе, ни другим. Ну, да я знаю тебя, ступай морочь других, прикидывайся перед другими. Я слышал про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянул в газету, прочитаешь – чувствуешь тоску, гадость – и больше ничего. Эй, Андрей!

II

Лакей (*входя*). Чего изволите— с?

Пролетов. Возьми вон эту газету! И к чему, зачем ты принес эту газету? Дурак этакой!

Андрей уносит газету.

Каков Бурдюков, а? Вот кого, не говоря дальних слов, упрятал бы в Камчатку. С большим наслаждением, признаюсь, нагадил бы ему, хоть сию минуту, да вот до сих пор нет да и нет случая. Что прикажешь делать? Разгневался бог. А я бы тебя погладил, мазнул бы тебя по губам. Да уж и губы зато какие! как у вола, у канальи.

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что?

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что ты вздор несешь!

Лакей. Так точно-с.

Пролетов. Врешь ты, дурак! Бурдюков, ко мне? Павел Петрович Бурдюков!

Лакей. Нет, не Павел Петрович, а другой какой-то.

Пролетов. Какой другой?

Лакей. Да вот извольте сами видеть: он здесь.

Пролетов. Проси.

III

Пролетов и Христофор Петрович Бурдюков .

Бурдюков. Прошу извинить за беспокойство, что наношу вам. Обстоятельства и дела понудили оставить городишку. Приехал просить личной помощи, заступничества.

Пролетов (*в сторону*). Это, точно, другой; а есть, однако же, какое-то сходство. (*Вслух.*) Что прикажете? в чем могу быть вам полезным?

Бурдюков (*с пожатием плеч*). Дело, тяжба!

Пролетов. Тяжба? с кем?

Бурдюков. С родным братом.

Пролетов. Прежде позвольте узнать фамилию, а потом изъясните свое дело. Прошу покорно садиться.

Бурдюков. Фамилия: Бурдюков, Христофор Петров сын, а дело с родным братом, Павлом Петровым Бурдюковым.

Пролетов. Что вы!! Что? нет!

Бурдюков. Да что ж вы на меня оставили глаза? Или думаете, я бы захотел оставлять напрасно Тамбов и скакать на почтовых?

Пролетов. Господи благослови вас за такое доброе дело! Позвольте с вами покороче познакомиться. Умнее этого дела вы не могли никогда бы придумать. Вот рассказывай теперь, что нет великодушия и справедливости! А это что же? Ведь вот родной брат, узы крови, связи, а ведь не пощадил! На брата – процесс! Позвольте вас обнять.

Бурдюков. Извольте! я сам обниму вас за такую готовность.

Обнимаются.

А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физиогномию, никак нельзя было думать, чтобы вы были путный человек.

Пролетов. Вот тебе раз! Как так?

Бурдюков. Да сурьезно. Позвольте спросить: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетов. Что за чепуху несет он?

Бурдюков. Нет, я вам скажу, вы не будьте в претензии, это очень часто случается. Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья, так сказать, как будто отрезана, и поросла шерстью, совершенно как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подожди к окну баран и нелегкая подстрекни его заблеть.

Пролетов. Ну, оставим в покое заседателя и барана. Как же я рад!

Бурдюков. А уж я как рад, приобретши такое покровительство! Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, вижу, что лицо ваше как будто знакомо: у нас в карабинерном полку был поручик, вот как две капли воды похож на вас! Пьяница страшнейший! то есть я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетов (*в сторону*). У этого уездного медведя, как видно, нет совсем обычая держать язык за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душе, – у него на языке. (*Вслух.*) Времени у меня немного; пожалуйста, приступим же к делу.

Бурдюков. Позвольте, сидя не расскажешь. Это дело казусное! Знали ли в Устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову? не знали? хорошо. Она доводится родной теткой мне и бестии моему брату. У ней ближайшими наследниками я да брат – изволите видеть: вот оно куды пошло! Кроме того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова, та и без того получила следуемую ей часть. Позвольте: вот этот мошенник,

брат, – он на это хоть черту в дядьки годится, – вот и подъехал он к ней: «Вы-де, тетушка, уже прожили, слава богу, семьдесят лет; где уже вам в таких преклонных годах мешаться самим в хозяйство: пусть лучше я буду приберегать и кормить». Она! замечайте, замечайте! Переехал к ней в дом, живет и распоряжается как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

Пролетов. Слышу.

Бурдюков. То-то! Да. Вот занемогает тетушка, отчего – бог знает: может быть, он сам и подсунил ей чего-нибудь. Мне дают уже знать стороною. Замечайте! Приезжаю: в сенях встречает меня эта бестия, то есть брат, в слезах, так весь и заливаается, и растаял, и говорит: «Ну, говорит, братец, навеки мы несчастны с тобою: благодетельница наша...» – «Что, отдала богу душу?» – «Нет, при смерти». Я вхожу – и точно, тетушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну что ж? плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

Пролетов. Не поможет.

Бурдюков. Ну что ж? нечего делать! так, видно, богу угодно! Я приступил поближе. «Ну, говорю, тетушка, мы все смертны, один бог, как говорят, не сегодня, так завтра властен в нашей жизни: так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение?» Что ж тетушка? Я вижу, не может уже языком поворотить, и только сказала: «э... э... э...» А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: «Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите?

Пролетов. Как же! да ведь она разве сказала это?

Бурдюков. Кой черт сказала! Она сказала только: «э... э... э...» Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: «э, э, э». А тот подлец опять: «Тетушка говорит, что все распоряжение по этой части находится в духовном завещании». Слышите? слышите? Что ж мне было делать? я замолчал и не сказал ни слова.

Пролетов. Однако ж позвольте: как же вы не уличили тут же их во лжи?

Бурдюков. Что ж? (*Размахивает руками.*) Стали божиться, что она, точно, все это говорила. Ну ведь... и поверил.

Пролетов. А духовное завещание распечатали?

Бурдюков. Распечатали.

Пролетов. Что ж?

Бурдюков. А вот что. Как только все это, как следует, христианским долгом было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего и говорить не может: страданья, отчаянья такие, что люли только! «Возьмите, говорит, читайте сами». Собрались свидетели и прочитали. Как же бы вы думали было написано завещание? А вот как: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову, – слушайте! – в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти, – замечайте! замечайте! – оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде... – она! она! она куды пошло! – пятьсот ревизских душ, уголья и прочее». А? слышите ли вы это? «Племяннице моей, Марии Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю следуемую ей деревню из ста душ. Племяннику, – она! замечайте! вот тут настоящий типун! – Хрисанфию сыну Петрову Бурдюкову, – слушайте, слушайте! – на память обо мне... – ого! го! – завещаю: три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и там черт знает еще какое тряпье! А? как вам кажется? Я спрашиваю: на кой черт мне штаметовые юбки?

Пролетов. Ах он мошенник этакой! Прошу покорно!

Бурдюков. Мошенничество – это так, я с вами согласен; но спрашиваю я вас: на что мне штаметовые юбки? Что я с ними буду делать? разве себе на голову надену?

Пролетов. И свидетели подписались при этом?

Бурдюков. Как же, набрал какой-то сволочи.

Пролетов. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюков. Вот то-то и есть, что подписалась, да черт знает как!

Пролетов. Как?

Бурдюков. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетов. Как так?

Бурдюков. Черт знает что такое: ей нужно было написать: «Евдокия», – а она написала: «Обмокни».

Пролетов. Что вы!

Бурдюков. О, я вам скажу, что он горазд на все. «А племяннику моему Хрисанфию Петрову три штатетовые юбки»!

Пролетов (*в сторону*). Молодец, однако ж, Павел Петрович Бурдюков; я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так!

Бурдюков (*размахивая руками*). «Обмокни»! что ж это значит? Ведь это не имя «Обмокни»?

Пролетов. Как же вы намерены поступить теперь?

Бурдюков. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не «Обмокни».

Пролетов. И хорошо! Позвольте теперь мне за все это взяться. Я сейчас напишу записку к одному знакомому секретарю, а вы между тем доставьте мне копию с завещания вашего.

Бурдюков. Несказанно обязан вам! (*Берется за шапку.*) А в которые двери нужно выходить – в те или в эти?

Пролетов. Пожалуйте в эти.

Бурдюков. То-то. Я потому спросил, что мне нужно еще будет по своей надобности. До свидания, почтеннейший. Как вас? Я все позабываю!

Пролетов. Александр Иванович.

Бурдюков. Александр Иванович! >Александр Иванович есть Прольдюковский, вы не знакомы с ним?

Пролетов. Нет.

Бурдюков. Он еще живет в пяти верстах от моей деревни. Прощайте!

Пролетов. Прощайте, почтеннейший, прощайте!

IV

Пролетов, потом слуга.

Вот неожиданный клад! вот подарок! Просто бог на шапку послал. Странно сказать, а по душе чувствуешь такое какое-то эдакое неизъяснимое удовольствие, как будто или жена в первый раз сына родила, или министр поцеловал тебя при всех чиновниках в полном присутствии. Ей-богу! эдакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! ступай сейчас к моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вот тебе на водку, напейся пьян как стелька, – для сегодняшнего дня я тебе позволяю; а вот еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы – сейчас, самонужнейшее дело. А, наконец-таки, насилу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотрим, как ты будешь подплясывать. А уж коли из сенатских музыкантов наберу оркестр, так ты у меня так запляшешь, что во всю жизнь не отдохнут у тебя бока.